

ЛУЧШИЕ ДЕТЕКТИВЫ

DETECTIVE

Ольга ВЕТРОВА

Эликсир вечности

ЭКСМО

Ольга Ветрова
Эликсир вечности

«ЭКСМО»

2008

Ветрова О.

Эликсир вечности / О. Ветрова — «Эксмо», 2008

Вике, скромной учительнице английского, подвернулась неплохая подработка – переводчицей при тургруппе в Италии. Экскурсия по Помпеям шла своим чередом, пока ее не прервали... выстрелы – итальянский турист, оказавшийся сотрудником венецианского муниципалитета, убил свою молодую жену и застрелился сам! Оправившись от потрясения, группа Вики стала собираться на Родину. Жена российского вице-консула Марианна обратилась к переводчице с просьбой – передать ее брату, Валентину Корскому, диск и письмо. Девушка попыталась выполнить поручение и узнала, что с Корским случилась похожая история: этот высокопоставленный чиновник убил любовницу и покончил с собой. Кажется, в Викины руки попала чужая тайна. Что же теперь делать с опасной посылкой?

© Ветрова О., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

1	5
2	11
3	17
4	22
5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ольга Ветрова

Эликсир вечности

1

Солнечный свет заливал погибший и восставший из пепла город.

– Перед нами лежит мертвый город, и при этом он – самое живое свидетельство быта, нравов и обычаев древнеримского полиса, – профессионально вещала гид, а я старательно переводила.

Однако это было не совсем точно. Помпеи – не только мертвый, но и живой город. С кафе, сувенирными лавками, базарчиками, которые прилегают к так называемой мемориальной зоне, куда мы, как и все туристы, вошли не без трепета.

– Разрушитель и жертва. Гора Везувий возвышается над широко раскинувшимися руинами Помпей. 24 и 25 августа 79 года нашей эры на Помпеи обрушилась вулканическая лава. Хочу сразу заметить, что извержение Везувия, погубившее эту цивилизацию, длилось больше суток. Так что многие горожане успели покинуть свои дома, – сразу успокоила нас экскурсовод. – Но были и такие, кто остался и нашел смерть под обломками вулканической лавы, задохнулся от ядовитых испарений. И тем и другим вулкан плевался в изобилии. Люди погибли, но и обрели бессмертие. Плоть истлела, но пепел сохранил очертания их лиц и тел. Когда археологи залили пустоты в слежавшихся груд пепла специальным раствором, получились фигуры людей. Пепел в Помпеях стал археологической благодатью, чудом сохранившей в неприкосновенности все, что погибло под его толщей. Таким посмертным маскам позавидовали бы и фараоны...

Вообще-то, вулканические плевки и маски фараонов – это не совсем дословный перевод. А отсебятина. Вернее, «отменятина». Люблю творческий подход!

Многие проявили интерес к скорбным скульптурам. У меня же от мысли, что это – «отпечатки» лиц и тел людей, побежали по спине холодные мурашки. Я предпочла не думать о погибших. Гораздо интереснее было представлять, как некогда люди жили в Помпеях. Мы прошли по каменной мостовой Виа делль Аббонданца – улицы Изобилия, где размещались лавки торговцев, харчевни, бани.

Вот Дом моралиста. Я заглянула в просторную столовую с широкими ложами, расставленными вокруг низкого столика.

– Дом получил свое название из-за того, что стены обеденного зала испещрены различными назиданиями, – сообщила гид. – «Скромно себя ты веди. Будь приветлив с соседом. Не засматривайся на чужую жену». И так далее...

Я стояла в онемении. Надписи дурацкие. Но стены, стол, лежанки, чаши и кувшины... Им же две тысячи лет!

– Катастрофа застигла город внезапно. В печах остался хлеб, в кувшинах – вино. На одной из кухонь сохранилось нетронутым блюдо с куриными яйцами, и скорлупки были целы! На столах в харчевнях валялись игральные кости... Помпеяне умели отдыхать. Всего в городе археологи насчитали 138 питейных заведений. От больших трактиров до тесных придорожных лавочек. Была и гостиница на 50 мест. Большой популярностью пользовались общественные бани. На территории одной из них археологи откопали более тысячи масляных светильников, это говорит о том, что бани были открыты и по ночам. Там имелись теплые, горячие и холодные помещения. Рабы-истопники поддерживали огонь в печах, рабы-массажисты растирали тела посетителей оливковым маслом. Затем масло счищали специальным скребком вместе с грязью. Это и считалось мытьем, ведь мыла в ту пору не было. Существовали и иные развлечения. Театральные зрелища были очень популярны. В Помпеях были большой и малый театры.

Актеры имели общественное признание, на городских стенах сохранились надписи, восхвалявшие их игру. Так, в веках прославился актер-пантомимист Парис. В городе существовал даже его фан-клуб. Ну и, конечно, любовь и кровь! Гладиаторские бои и публичные дома. Да-да, так называемые лупанары. Мы как раз стоим у одного такого заведения. Пожалуй, самого изысканного и богатого. При раскопках здесь нашли роскошную утварь и золотые безделушки...

Все с интересом принялись обозревать гнездо порока – двухэтажный каменный дом. Над входом было высечено слово VITA. Не нужно быть переводчиком, достаточно вспомнить навязчивую песенку с «Русского радио» про «Долче виту», чтобы трансформировать граффити в слово «жизнь». Мрачновато выглядит это слово среди царства мертвых. Зато внутри были довольно веселенькие фрески с полуголыми жрицами любви и их разгоряченными посетителями.

– Обратите внимание. На фреске женщина в обольстительно прозрачном наряде передает что-то служанке. Возможно, только что полученную плату. А ее клиент готовится осушить кубок с вином. А в верхних покоех кто-то начертал на стене: «Любовники, словно пчелы, жизнь здесь кажется медом...»

Ничего себе! Это же поэзия. С образами, которые понятны столетия спустя. Это настоящая поэзия. Не знаю, как остальные, а я получала удовольствие от экскурсии. Хотя боялась, что зрелище будет мрачным.

Вокруг сновали туристические группы, говорившие разом на нескольких языках, за нами увязались и какие-то местные старички в кепках и стоптанных башмаках. И все равно, в этом городе-кладбище было как-то тихо и несуетно, вековым покоем веяло от почти не тронутых временем домов. Но вдруг в один миг все изменилось.

Совсем рядом мы услышала громкий крик, а потом грянули выстрелы. На моих глазах у подножия Везувия снова разыгралась трагедия.

Надо заметить, что вся эта старина выглядела довольно-таки бесцветной. Время выбелило стены зданий, колонны, своды. Здесь царствовали серый, коричневый, грязно-желтый цвета. Но улицы были наводнены людьми из другого века, в ярких шортах и майках, с фотоаппаратами наизготовку. Тысячи лет назад этот полис пережил катастрофу, теперь же здесь царил атмосфера отдыха и праздности. На одного работающего приходилось человек тридцать туристов, которые немного интересовались историей и много – сувенирами.

Нельзя было представить себе, что покой и безмятежность этого города-памятника будут нарушены так бесцеремонно.

Полный седой мужчина из туристической группы, стоявшей рядом с нашей, вполне солидный на вид, неожиданно побагровел и затрясся, как в лихорадке. Словно он долго сдерживал гнев, но плотину прорвало, и он уже не мог ничего поделать. И я увидела в его руках пистолет...

Несколько раз он выстрелил куда-то вверх, выругался на чужом языке, а потом развернул ствол. Ужас парализовал меня. Этот человек явно безумен! И что он сделает теперь? Откроет пальбу во все стороны? Хотя это не американский университет, а центр Европы. Здесь не продают на каждом шагу автоматическое оружие. Но это – Италия, родина мафии. Поэтому можно было ожидать чего угодно...

Мужчина обвел окружающих тяжелым, явно больным взглядом, словно выискивая мишень. Люди умом понимали, что надо прятаться, бежать от вооруженного безумца. Но их ноги словно приросли к земле. Стрелок опять поднял пистолет. Он выбрал цель. Он пальнул... себе в голову!

И не промахнулся. Кровь и мозги брызнули в разные стороны. Люди завизжали и бросились врассыпную...

Сначала я все-таки почувствовала облегчение. Он выстрелил в себя, а не в нас. Но потом вернулся ужас. Прямо на наших глазах человек покончил с собой! Публичное самоубийство. Отчаяние, грех, дикость.

Я не могла поверить в реальность происходящего. Наверное, это съемки какого-нибудь фильма, решила я и завертела головой в поисках режиссера и оператора.

Камер вокруг хватало: и фото, и видео. Но все они были любительские, в руках у туристов. И теперь они, некоторые – сквозь объектив, испуганно смотрели на мужчину, замертво свалившегося на каменную мостовую. Его пистолет выскользнул из безжизненной руки и отлетел в сторону.

Вокруг уже не бегали и не кричали. А замерли как вкопанные. И затем с опаской люди стали приближаться к покойнику с дыркой в голове. Туристы вытягивали шеи, чтобы получше рассмотреть, что же случилось. Двое местных стариков, так похожих темными лицами и кепками на старейшин с нашего Кавказа, подошли к телу, склонились над ним.

Мне подумалось, что они сейчас скажут ему:

– Чего лежишь? Вай, как нехорошо! Поднимайся, слушай!

Но они замахали руками и о чем-то заспорили. Тараторили с такой скоростью, что я, сколько ни напрягала слух, ничего не поняла. Через минуту появились люди в форме, видимо, охранники, они оттеснили любопытных подальше.

Наш гид нервничала:

– Сколько здесь работаю, ничего подобного никогда не было, – потерянно бормотала она.

О том, чтобы продолжить экскурсию, не могло быть и речи. Мемориал закрыли, и всех посетителей пригласили на выход. Да ни у кого и не было настроения слушать байки из прошлого, когда в настоящем творилось такое.

Кроме потрясения и ужаса, я чувствовала и некую вину. Ведь именно я составляла эту культурную программу. Именно по моей инициативе наша группа оказалась здесь сегодня. А ведь это была особенная группа. Не обычные туристы, едва накопившие на отель «три звезды» и приходящие в восторг от всего заграничного. Жены сотрудников российского МИДа – весьма притязательные особы. С Prada, Dolce и Gabbana и другими итальянцами они давно знакомы, причем лично.

Пока мужья парятся в кабинетах на важных переговорах в костюмах и галстуках, дамы осматривают достопримечательности Италии. Я же их сопровождаю. Потому что тоже работаю в МИДе, вернее, в международном центре культурного сотрудничества при МИДе.

Правда, работаю я там всего ничего и, что называется, на подхвате. Вернее, в резерве. Замещаю заболевших и ушедших в декрет переводчиц. И это моя первая заграничная командировка, первое серьезное задание. И я его провалила. Вернее, какой-то сумасшедший его расстрелял. Завтра жены вернутся в Рим. Мужья спросят:

– Ну как, вам понравилось?

– Это было ужасно! – запричитают они.

– Еле живы остались...

– В Ираке и то спокойнее...

И на кого их высокопоставленные мужья направят свой гнев? Конечно, на новенькую бестолковую сотрудницу. И даже Юра ничего не сможет сделать. Юра – это мой жених. Он-то и помог мне найти работу при МИДе. Это была именно помощь, а не блат. Хотя он из семьи потомственных дипломатов, закончил МГИМО и теперь служит в Европейском департаменте МИДа. Он просто вовремя сказал мне, что есть вакансия. Требуется гуманитарное образование и знание языков. Я как раз преподавала в школе английский. Учительница – это не всегда строгая дама с пучком волос на затылке и неизменной указкой. Я была учителем в модных джинсах, а на дом задавала перевод песен «Биттлз». Я честно прошла собеседование и

получила новую работу. Впрочем, и прежнюю мне бросать не пришлось. Не каждый же день я сопровождаю делегации, тем более, за границу.

Но сейчас мне повезло. Попасть в страну Микеланджело, Феллини, Каннаваро за командировочные! Что может быть лучше?

Рим ослепил меня солнцем и величием собора святого Петра. Окружил колоннами Форума и бассейнами терм, опутал веревками, на которых сушилось белье – прямо на узких улочках. Я словно пила коктейль, замешанный на истории, культуре и искусстве. И он опьянял и валил с ног. А тут еще и жара под тридцать градусов. Осень в этом году выдалась в Европе аномально жаркой. Пришлось покупать маечки и есть мороженое до хрипоты в горле.

Единственное, что я забыла указать в резюме, так это мое особое умение влипать в историю. Зовут меня Виктория Викторовна Победкина. Победа в третьей степени, как гордо говорят мои родители. Зато все остальные, кто знает меня, иначе как Вика Беда не величают.

Например, вчера я умудрилась заблудиться во дворце Консерваторов в Риме. Название это сразу показалось мне подозрительным. Ощущаешь себя какой-то килькой в томате. Правда, лишь до тех пор, пока не пройдешь по многочисленным залам и не повстречаешь ее... Знакомьтесь: госпожа История, собственной персоной.

Раскрыв рот, бродила я от статуи мальчика, вынимающего из своей стопы занозу, до бронзовой волчицы, вскормившей Ромула и Рема. Рассматривала фрески, трогала саркофаги. Мне не требовался ни экскурсоводы, ни поясняющие таблички. Предметы говорили сами за себя. Госпоже Истории не нужны посредники.

Короче, я ходила-ходила, восторгалась-восторгалась и... потерялась. Залы, коридоры, опять залы. Пришла я сюда одна, жены дипломатов предпочли пробежку по магазинам на площади Испании. Другие посетители куда-то испарились, а зрителей я вообще не заметила. Здесь нет хмурых бабушек, которые ходят за тобой по пятам и, поджав губы, ворчат: «Не дышите на шедевр!». Зато тут повсюду видеокамеры. Но они же не работают в режиме видеоконференции...

Не скоро я осознала, что оказалась одна и не знаю, куда идти. В помещениях вместо яркого включилось экономное освещение. Двери, к которым я приближалась, оказывались запертыми. Похоже, я осталась в музее, закрытом на ночь.

Что же делать? Искать сторожа? Кричать во все горло? Что-нибудь украсть? Например, волчицу, тогда сработает сигнализация, и люди точно явятся. Вернее, карабинеры. Но не начнут ли они сразу же стрелять?

Я еще побродила по залам в поисках выхода, но вскоре поняла, что хожу по кругу. И почувствовала, что устала. Весь день была на ногах. Пыль истории здорово утяжеляет башмаки, даже кроссовки. У меня не осталось сил волноваться или биться в истерику. Я присела на кушетку в центре одного из залов, потом прилегла. Затем задремала.

Проснулась я от громких голосов. Открыла глаза. Надо мной стояли два черноусых охранника и о чем-то спорили, размахивая руками. На улице уже рассвело.

– О, белла донна! – с придыханием сказал мне тот, что помоложе.

Кажется, это переводится как: «О, красавица!».

– Маразмо, идиото! – заворчал старший.

Это непере译имый местный фольклор.

Я решила, что первому я приглянулась, второму же не очень понравилась. И просто пояснила:

– Руссо туристо, облик морале!

К счастью, меня не приняли за грабительницу и проводили к выходу. Подумаешь, поспала немножко в историческом месте. Главное, не видела кошмаров.

Кошмар случился сегодня, и не во сне, а в Помпеях. Вообще-то, мы собирались в Венецию. Но ее затопило. Уже несколько дней подряд там шли дожди. Вода поднялась на полтора метра. Центр города затопило. И если у вас нет резиновых сапог, вам там делать нечего. Так что наша последняя экскурсия получилась в Помпеи. Через день – домой. И вдруг такое...

Наша группа «Вдали от мужей» состояла всего из пяти человек, но очень четко делилась на два лагеря. Три дамы уже ждали внуков, две пока не торопились заводить детей, боясь испортить фигуру. Жены первого и второго созывов. Обе группы терпеть друг друга не могли. Но в Помпеях они оказались единомышленны.

– Жуть!

– Кошмар!

– Ужас!

– Вы видели, он целился прямо в нас?

– У него были абсолютно безумные глаза!

– Ну, теперь мне будет что Галке рассказать!

– Именно! Надоели эти музеи. Джотто, Леонардо, всем одно и то же рассказывают. Да и книжек про них полно. А тут – совершенно эксклюзивные впечатления.

– Тамарка локти себе кусать будет! Не поехала. Чего я там не видела, говорит. Этого она точно не видела...

Я не ослышалась? Дамочки взволнованы и растревожены кровавым происшествием, оно пощекотало им нервы, причем приятно! Лишь одна выглядела бледной и озабоченной. Марианна Васильевна Венгерова – супруга российского вице-консула в Италии. Она о чем-то оживленно беседовала на итальянском с каким-то туристом. Просила у него видеозапись с его камеры, запечатлевшей ужасное событие. Интересно, зачем? Чтобы муж был в курсе последних новостей?

– Полиции не нужны свидетели? – поинтересовалась я у нашего экскурсовода, когда мы погрузились в микроавтобус.

– Погибший приехал в составе итальянской туристической группы. С севера Италии. Будут допрашивать их, они же прибыли вместе, может, общались с ним. А мы вообще ни при чем. Тем более что это не убийство, а самоубийство.

Экскурсовод-итальянка говорила на родном языке. От русскоязычного гида моя начальница принципиально отказалась: они, мол, плохо знают или наш язык, если местные, или итальянскую историю, если речь идет о гастарбайтерах из России... Но при другом раскладе мне бы здесь было нечего делать.

– Но какое страшное самоубийство! Демонстративное. В таком месте, на глазах у десятков людей, в том числе уже покойных! – к нашей беседе присоединилась Марианна Васильевна.

Смерть к смерти, подумалось мне.

– Помпеи видели и не такое, – философски заметила гид. – Скорее всего, у синьора было какое-то психическое расстройство. И мертвый город повлиял на него совсем плохо.

– Да уж, – кивнула я. – А вы видели, куда он стрелял? В слово VITA. Он хотел убить жизнь?

– Я думаю, синьор хотел убить себя, – возразила итальянка, явно не разделяя мое волнение.

«Нас это не касается! Забудьте. История Италии куда интереснее...» – вот, что я прочитала в ее взгляде. Она протянула мне микрофон и заговорила о Новом Городе, то есть Неаполисе – Неаполе, раскинувшемся на берегу Неаполитанского залива Тирренского моря. Я машинально переводила, но мысли мои витали в Помпеях.

Первое, что я сделала, оказавшись в номере отеля, – включила телевизор. Куда бы ни целился наш самоубийца, угодил он в новости. На экране показали его фотографию. На ней он был еще жив и выглядел очень солидно. Потом в кадр попали переполненные водой каналы Венеции, какой-то старинный богатый дом, полицейское оцепление и темноволосая журналистка с крайне озабоченным выражением лица, на фоне изящных изогнутых мостиков. И что все это значит? Самоубийство как-то связано с наводнением в тонущем городе?

Я сделала погромче. Итальянский я специально повторила перед поездкой, но все же владею им не так хорошо, как английским. Вот мой жених Юра без труда понимает, кажется, все языки, кроме мата...

Наш самоубийца оказался довольно высокопоставленным человеком в Венеции. Синьор Фабио Монти работал в муниципалитете. И вдруг отправился в Помпеи в составе туристической группы явно не своего уровня – со студентами и родителями с детьми, решившими показать чадам древний город. Те говорят, что он ни с кем не общался. Был мрачен и молчалив. В Помпеи он приехал якобы лишь для того, чтобы застрелиться. Заранее приготовил и зарядил пистолет. Никакой предсмертной записки в его карманах не обнаружили. Зато страшная находка ждала полицию по домашнему адресу погибшего.

В его доме в Венеции была найдена мертвой его молодая жена. Судя по всему, она была застрелена из того же пистолета еще сутки назад. Следствие не исключает, что мужчина сначала прикончил женщину, а потом решил убить себя. Но сделал это почему-то на другом конце страны и к тому же – прилюдно.

Вот ужас-то! Он убил жену, застрелился сам. И этот человек с оружием в руках стоял всего в 10 метрах от меня! История вершилась на моих глазах. Криминальная история...

Когда в дверь моего номера постучали, я вздрогнула. Словно в меня опять прицелились. Откуда-то появились тревога и страх. Хотя ясно, откуда. Хочешь спать спокойно – не смотри новости. В Италии вообще лучше смотреть фрески. Да, здесь я не ожидала ничего подобного. На фоне древнего величия сегодняшние проблемы должны казаться ничтожными. Для этого, собственно, и придумали туризм. Но синьор с пистолетом, видимо, так не считал. Что же такого страшного могло случиться в его жизни?

Хотя сейчас не время раздумывать над этим вопросом. Нужно дверь открывать. Видимо, кому-то из наших дам срочно понадобился перевод меню в ресторане отеля для подсчета калорий.

Тогда я еще не знала, что тревога и страх – это неспроста. Надо было довериться своей интуиции и сделать вид, что меня нет в номере...

2

На пороге моего номера стояла Марианна Васильевна. Уж она-то говорит по-итальянски лучше меня, не один год здесь прожила. Если честно, я ее немного побаивалась. Она была женой первого созыва, вышла замуж за студента, а не за вице-консула и прошла все ступени карьерной лестницы вместе с ним. Я же для нее стояла в одном ряду с женами второй волны, довольно мутной. Она называла их «кенгуру». Молодые супруги пожилых дипломатов тоже когда-то были переводчицами и секретарями, на самом же деле готовились к прыжку: одним махом – и ты на вершине, а старая жена извини-подвинься.

– Мне нужно с вами поговорить, – как-то очень напряженно произнесла Марианна Васильевна, плотно закрыв за собой дверь моего номера.

– Да, конечно, проходите, – я отступила в глубь комнаты.

Она нервно прошлась туда-сюда мимо меня, словно не знала, как начать разговор.

– Виктория, я хотела вас попросить об одолжении... Не могли бы вы, когда вернетесь в Москву, передать небольшую посылку моему брату. Он живет в центре. Я напишу адрес. Мне больше не к кому обратиться. Не хочу сплетен, а наши кумушки обязательно сунут свой нос в содержимое посылки. Не дипломатической же почтой мне ее посылать! А вы, надеюсь, не из сплетниц и уже через день будете в Москве.

– Что ж, если речь не идет о контрабанде... – улыбнулась я.

Почему бы не оказать услугу приятной женщине, к тому же супруге вице-консула.

– Конечно, ничего противозаконного, – заволновалась она и полезла в свою элегантную сумочку. – Вот, письмо и DVD-диск. Так сказать, домашнее видео, на память. Мы так редко видимся с братом. Я напишу адрес?

Чувствовалось, что для нее это важно. Важно и лично. Так шаманы просят о хорошем урожае, а блондинки – о богатом женихе.

– Пишите, – кивнула я.

– Только, пожалуйста, лично в руки, – предупредила она. – Через его жену не нужно передавать. Она меня терпеть не может. Вам же не будет трудно потратить полчаса и перекинуться парой слов с моим братом?

– Не волнуйтесь, – кивнула я. – Я все сделаю.

Людам надо помогать, тогда и у них появится шанс ответить тебе тем же. Я не возражала, чтобы меня использовали в качестве курьера. Не нарко, конечно. А эдакого почтового голубя. Белой симпатичной голубки. По-моему, очень мило...

Так у меня в руках оказалась посылка для некоего Валентина Васильевича Корского, адрес и телефон прилагались. Я думала тогда, что мне не составит труда выполнить просьбу Марианны Васильевны. Если бы я знала, куда приведет меня это поручение, какие двери оно откроет передо мной...

Ужин в ресторане отеля прошел в не теплой и в не дружественной обстановке. Жены дипломатов отказывались вести себя дипломатично. Не одна я посмотрела новости, но каждый увидел в них свое.

– Слышали, этот бедолага сначала жену свою застрелил, а потом уже сам...

– А вы видели эту жену? Молоденькая свистушка. Наверное, просвистела все его деньги, вот он и схватился за пистолет.

– Да если бы она была старой перечницей, которой уже и пластические операции не помогают, она бы его так достала, что он не только ее и себя, но еще и нас бы перестрелял...

Я уткнулась в тарелку. Мы сидим в роскошном ресторане, едим дорогущую итальянскую пасту с каракатицами, пьем вино невероятной выдержки. «Дамочки, расслабьтесь и получите удовольствие!» – хотелось крикнуть мне, но я решила быть толерантной.

Я же мечтаю выйти замуж за дипломата. Но не за пожилого чужого мужа, а за своего Юру. Немного за тридцать, метр восемьдесят, благородная внешность, безукоризненные манеры, отличное воспитание, перспективный сотрудник МИДа, квартира в элитном доме, джип. Иногда меня пугает такая куча достоинств. Я-то совсем не мисс Совершенство...

Хотя еще в детстве я решила не мучиться комплексами. И нос у меня нормальной длины, и грудь не подкачала. То есть, я ее не подкачивала, мне от природы достался третий номер. Я давно поняла, что на вкус и цвет товарищей нет. Что нравится Юпитеру, не подходит быку. Ведь мотоцикл «Иж-Юпитер» заправляют бензином, а члена преступной группировки – чем-нибудь сорокаградусным. Так что главное – нравиться себе самой. А я считала себя молодой и прехорошенькой. Длинноногая блондинка с глазами цвета старого выдержанного коньяка.

Кстати, точно такие же глаза оказались у женщины, которая подошла к нашему столу и бесцеремонно прервала беседу жен дипломатов, больше напоминавшую метание словесных дротиков.

– Викочка! – заорала она на весь ресторан. – Детка моя, ты ли это?! Что же ты не предупредила, что собираешься в страну «Мартини» и обуви? Я бы тебя встретила...

Не может быть! Тетя Клава – двоюродная сестра моей мамы. Я, конечно, знала, что она уехала в Италию на заработки, но никак не ожидала, что мы встретимся в пятизвездном отеле Неаполя. Разве гастарбайтеры ходят по таким ресторанам? Впрочем, учительницы тоже не каждый день в них ужинают. Похоже, за восемь месяцев, что мы не виделись с тетей, многое изменилось.

– Я тут по работе, – не без гордости сообщила я. – Эти милые дамы – жены сотрудников МИДа, а я при них переводчиком.

– Клаудио Соренто, – официально представилась тетя Клава. – Мой муж – тоже не лаптем щи хлебает, у него свой отель в Тоскане.

Вот это да! Давно ли наша Клавдия бросила мужа-алкоголика дядю Борю и уехала в Италию зарабатывать на отдельную квартиру для сына, тоже, кстати, Борю, но пока не пьющего студента?

Синьора Соренто с готовностью поведала мне и всем дамам, сидевшим за столом, о чудесном превращении Клавы в Клаудию.

– Я в Италию приехала не туристом, а дешевой рабочей силой, – честно начала она. – чтобы работать прислугой. Унизительно, но выбирать не приходится, когда тебе угрожает пенсия в 100 евро, а за обучение сына нужно платить раз в тридцать больше. Когда я ехала за границу, знала, что будет нелегко. Но все оказалось даже хуже. Первое время было просто невыносимо. Ты не знаешь языка, и на тебя смотрят как на раба. Бесцеремонно понукают и подозревают, что ты стащишь столовое серебро. Меня наняли ухаживать за полупарализованным 16-летним парнем. Я кормила его, выносила утку, давала лекарства. А он лапал меня той рукой, что двигалась. И пускал слюни по моему поводу. Хотя я годилась ему в бабушки! Я пыталась ему сочувствовать: несчастный мальчик, попавший в аварию. Но потом мое терпение лопнуло. Людям я предпочла деревья. Оливковые.

Я нанялась сезонной рабочей на сбор оливок. Адский труд! Устаешь жутко. Зато почти ни с кем не общаешься. Правда, человеку все плохо. Через месяц мне захотелось как раз общения: хоть бы с кем поговорить! И вот как-то раз хозяйка оливковой плантации подозвала меня и огорошила. У нее есть знакомый – итальянец лет шестидесяти, который изучает русский язык и русских женщин. Зовут его Карло, но я определила его как Пиноккио. Он – владелец отеля, у него тоже есть взрослый сын, но он живет отдельно. И этому синьору вдруг понадобилась

русская дама для переписки по электронной почте. Хозяйка открыла для меня свой ноутбук, и мы с Пиноккио начали переписываться, обменялись фотографиями.

– Почему все-таки Пиноккио, а не папа Карло? – улыбнулась я.

– Потому, что он был чурбан бесчувственный. Представляешь, сначала, хоть и с ошибками, но в комплиментах по-русски рассыпался. Мол, я хороша осенней красотой, и глаза мои горят, как звезды. И вместе мы составим прекрасный союз. А потом вдруг он стал сухим, как валежник. Все про свой отель, машину и счет в банке писал. Спросил, нет ли у меня хронических заболеваний. За кого он меня принимает, злилась я!

– Вряд ли он сам так хорошо владеет русским, наверное, нанял переводчика, – предположила Марианна Васильевна. – Какого-нибудь студента-романтика. А потом переводчик сменился, и стиль общения стал деловым.

– Точно, – кивнула я. – Это как одна наша соседка познакомилась по переписке с эзком. Уголовник ей сначала послания в стихах писал, потом рисунки присылать начал. Она уж губы раскатала: сколько у человека талантов! Мол, таким людям всегда завидуют, наверное, его оговорили, и поэтому он оказался не в Союзе писателей или художников, а во всесоюзном розыске. На самом деле, как выяснилось, что избранник ее – угонщик с тремя классами образования. Лучше всего у него получалось замки вскрывать. Ни стихов, ни картин он отродясь не писал. Это коллеги по нарам за пачку сигарет для него старались.

– Ну, с моим-то другая история была, – усмехнулась тетя Клава. – Через три месяца он мне назначил-таки свидание. При личной встрече Пиноккио оказался таким милым! Повел меня в дивный ресторанчик, напоил «Кьянти». Очень приличный и солидный господин. В летах, но в шестьдесят жизнь только начинается! Он целовал мне ручки. А его ботинки! Господи, Викочка, это же настоящее произведение искусства. Я просто влюбилась в Карло.

– Куда же подевалась его сдержанность? – поинтересовалась я.

– Вышло недоразумение. Я специально уточнила: он сам сочинял все послания. Однако с его другом произошла неприятность. Вы не поверите! Его оштрафовали на 300 евро за признание в любви.

– Как это? – удивились за нашим столом.

– Рассказываю по порядку. Друг Карло влюбился в свою коллегу по работе, но не решался признаться. Он отправил ей SMS-сообщение: «С тех пор, как я увидел тебя, я не могу думать ни о ком другом». Это признание от анонимного поклонника не понравилось женщине, и она обратилась в полицию.

– Сумасшедшая! – оценила я.

– Не знаю, может, она решила, что ее преследует маньяк. Короче, мужчину установили и привлекли к суду за вмешательство в частную жизнь. Приговор – 300 евро штрафа.

– Ну и нравы! У нас, если пьяный дебил пошлет даму матом, другие еще и присоединятся. А здесь за приятное сообщение мужик заплатился, – возмутилась я.

– Да уж! – вздохнула тетя Клаудиа. – Под впечатлением от этого кошмара мой Карло стал куда осторожнее в выражении своих чувств и перешел на деловой язык. К счастью, при личной встрече он оттаял. Так что ни прислужгой, ни сборщицей я больше не работаю. Мы стали жить вместе, и даже отправились в путешествие по Италии. Сегодня мой Карло навещает сына, тот обитает в Неаполе. А я ужинаю одна, вернее, с моей племянницей Викочкой...

Да уж, тетя не только меня порадовала, остальные дамы тоже слушали ее с интересом и даже не пытались обмениваться язвительными репликами. Уплетая божественное тирамису или лузгая семечки, русские женщины всегда готовы поговорить о мужчинах. И тетин Пиноккио, без сомнения, лучше безумного самоубийцы.

– Тетя Клава, почему я слышу все это впервые? – с укоризной спросила я. – Ты не захотела тратиться на телефонные переговоры?

– Если честно, я не хочу, чтобы отель Карло заполонила моя родня. Узнав про такую халяву, даже баба Дуня, которой уже восемьдесят два года, побежит загранпаспорт оформлять. И муженек мой бывший прознает, еще явится, и нам всю пиццу испортит. Ты, Викочка, – дело другое. Тебя я всегда рада видеть. Только не забывай, я теперь не Клава. Приезжай сама и Юру с собой бери. Он, кстати, как? Не созрел для того, чтобы сказать тебе: «Выходи за меня замуж»

Весь дамский клуб с интересом уставился на меня. Еще бы, ведь они знают Юру и считают его молодым и о-очень перспективным сотрудником МИДа.

Черт! Эти мне традиционные русские вопросы. Кто виноват? Что делать? Замуж не вышла?

Нет, тетушка, ты как была Клава, так ею и осталась...

– Главное, что он регулярно и искренне говорит: «Я люблю тебя!» – попыталась улыбнуться я.

Мало мне было испытаний в тот день. Ночка тоже выдалась еще та. В нашем отеле этажом выше поселили целую группу детишек. Внешне милые и вежливые, мальчишки и девочки, как только остались без присмотра взрослых, устроили светопреставление, вернее, звуко. Бежали, топали, скакали, веселились.

– И это называется пятизвездный отель! Никакого комфорта, – жаловались мне за завтраком мои подопечные.

– Это детишки из Африки, – объяснила Марианна Васильевна. – Их собираются усыновлять какие-то богачи. Это сейчас модно. И, видимо, у ребят случился праздник непослушания.

– По-моему, там всю ночь проходил чемпионат по метанию слонов, – раздраженно возразила ей явно бездетная дамочка. – Детишки вместо подушек кидались слонами, видимо, не докидывали, и те грохались на пол.

Не так уж долго это и продолжалось. Лично я зарылась головой в подушку, тем самым превратив ее в «надушку», и подумала, что человек никогда не бывает полностью доволен. Что имеем – не храним, потерявши – плачем. В музее я мечтала об удобной гостиничной постели, в гостинице – о музейной тишине. Тем более что мы находились в цивилизованной стране, и, как только постояльцы пожаловались на шум, он стих. Так что дамочки явно преувеличили масштаб бедствия. К тому же наше путешествие подходило к концу, и совсем скоро всем предстояло спать в своих кроватях.

Москва встретила нас дождем. Мои подопечные разъехались на иномарках своих мужей. Кроме Марианны Васильевны и меня. Она осталась в Риме. Я, волоча за собой чемодан и раскрывая на ходу зонт, поплелась к стоянке маршруток.

Самое плохое в командировках то, что по их окончании надо мчаться на службу и отчитываться о проделанной работе. А мне так хотелось поспать после самолета, понежиться в ванной! Вместо этого пришлось забросить домой чемодан, быстро принять душ, наспех переодеться и бежать к метро. Надо сказать, что в Италии я несколько утратила навыки спортивной ходьбы на каблуках. Ничего, скоро вспомню.

Я очень торопилась, но моя начальница все равно осталась недовольна. Александра Петровская – моя ровесница, при этом она командует мною и всем отделом. И выглядит она серьезно, солидно, безупречно. Мы с ней друг другу не нравимся. Хотя у нас много общего. Мы обе – стройные и длинноногие. Я блондинка, и она блондинка. Правда, у меня короткая стрижка и прядки в художественном беспорядке разлетаются в разные стороны. Немного хулиганисто, зато стильно. А у нее гладкие длинные прямые волосы. И она ими то и дело встряхивает, словно шампунь рекламирует.

Еще она потрясла у меня перед носом целой пачкой каких-то бумажек, которые я обязана была заполнить для отчета о проделанной работе – в кратчайшие сроки. Чем я со вздохом и

занялась. Стильный офис с евроремонтом, где я сейчас находилась, был так не похож на нашу учительскую. И в смысле дизайна, и в смысле общения. Я вернулась из Италии, но никто не кидается ко мне с расспросами: «Ну как там Пизанская башня? Не упала?!», или «Итальянцы действительно все жгучие брюнеты со сладкими голосами?» Нет, сотрудники международного центра культурного сотрудничества просто сидят в строгих костюмах и с умным видом за своими столами работают. Понятное дело, что для них поездка за границу – все равно, что для шофера поворот на заправку.

Так что на меня никто внимания не обращал, кроме Петровской. Она явилась ровно через два часа и начала с пристрастием просматривать мои записи, словно была заранее уверена, что в них полно ошибок. Тягостное молчание в нашем офисе прервало появление Юры. Мой жених не смог встретить меня утром, зато теперь он отвезет меня домой вечером, тем более что с недавних пор мы работаем с ним в соседних зданиях.

– Юрий Вадимович! – заулыбалась моя начальница, мигом превращаясь из колючки в майскую розу. – Как приятно вас видеть.

– Взаимно, Александра Евгеньевна, – вежливо отозвался Юра.

Но смотрел-то он на меня! Причем весьма голодными глазами. Я тоже о-очень по нему соскучилась. И если бы не Петровская, уже бросилась бы ему на шею.

– Виктория Викторовна, вы еще не освободились? – спросил он официальным тоном. Другим в этом офисе, похоже, не говорили.

Освободилась? Что я, заключенный, что ли?

– Я уже закончила отчет, – сообщила я и ему, и Петровской.

– Да, Виктория Викторовна. Но он явно не полон, – опять нахмурилась она.

– Что вы имеете в виду?

Это же не криминальная сводка, неужели я должна была включить и изложение о происшествии в Помпеях? Или все дело в слоновьем чемпионате? Но ведь не мои же детишки расшалились. Это Анджелина Джולי ввела моду селить африканских малышей в пятизвездные отели.

– Во-первых, в Риме вы куда-то пропали на целый вечер, – начала отсчет мой босс, – и когда Наталье Вольской понадобилась ваша помощь, она не смогла вас найти.

– Я была во дворце Консерваторов, – попыталась объяснить я.

– В час ночи? – моя начальница выразительно посмотрела на Юру. – Всем известно, как наших туристов влечет к жгучим брюнетам со сладкими голосами. Но, Виктория Викторовна, вы-то не туристка. Вы были на работе, сопровождали группу!

– Но я же просто заблудилась...

– Блуд на работе строго запрещен, – хмыкнула Петровская. – И вторая претензия. Разве не вы уронили в фонтан Треви фотоаппарат Елены Аникеевой?

Черт! Обо всем доложили, на все пожаловались, а ведь тогда госпожа Аникеева не без гордости заявила: «Ничего страшного, мне мой муж еще десять таких фотиков купит. Он на мне не экономит...»

– Но я же не специально. Увлелась съемкой, оступилась. А Рим, знаете ли, город фонтанов...

– Знаем, – кивнула моя шефиня. – Мы с Юрием Вадимовичем не раз бывали в «вечном городе». И вместе, и по отдельности. Но не портили дорогостоящую аппаратуру.

Так, интересно, с чего бы это моему жениху вместе с этой кралей аппаратуру портить? Понятно, что им случается работать над совместными проектами, но всему есть границы даже за границей!

– Виктория Викторовна возместит причиненный ущерб, – вмешался Юра.

– Госпожа Аникеева материальной компенсации не требует, – сказала Петровская. – Она сообщила мне о произошедшем в неофициальной беседе. Ведь госпожа Победкина у нас новый сотрудник, необходимо к ней присмотреться...

Черт, а можно не говорить обо мне так, будто меня нет не только в этой комнате, но и на этой планете, и требуется разглядывать в телескоп, чтобы заметить?

– Первый блин бывает комом, – мягко напомнил Юра. – Думаю, Виктория Викторовна будет стараться. Ведь она понимает, что это престижная и перспективная работа.

Я и так делала, что могла. Кто бегал в супермаркет за рассолом для госпожи Аникеевой, когда она перебрала «Кьянти»? Что вы еще от меня хотите? Расписку, что я готова к трудовым подвигам?

Но на Петровскую заступничество Юры явно подействовало.

– Ладно, можете идти, Виктория Викторовна, – сменила гнев на милость шефиня.

Впрочем, как оказалось, она просто хотела побыстрее избавиться от меня, а Юру придержала за локоток, когда я была уже в дверях.

– Кстати, Юрий Вадимович, хотела у вас уточнить, что там все-таки случилось с заместителем директора департамента по вопросам новых вызовов и угроз?

– Он стал жертвой неизвестных преступников, – ответил Юра. – Они совершили разбойное нападение на его загородный дом и убили хозяина.

– Но вместе с ним погибла его секретарша.

– Видимо, они решили поработать дома...

– А я слышала, что она была якобы любовницей шефа. И он застрелил ее, видимо, в припадке ревности, а потом застрелился сам...

– Я сплетнями не интересуюсь, Александра Евгеньевна, – неодобрительно заметил Юра.

Зато меня они очень даже заинтересовали. В Подмоскowie случилось то же самое, что и в Помпеях?!

3

Юра повез меня в ресторан. Хотя я здорово соскучилась по нормальной русской еде и не отказалась бы от «Макдоналдса». Но мой жених даже не смотрит в эту сторону. Он предпочитает французскую кухню. В результате я не всегда понимаю, что заказала, даже после того, как все уже съедено. К счастью, не вкусно там не бывает. Вот и сейчас я уплетала ри-де-во – какую-то особенную часть особенного тельека – и делилась впечатлениями от поездки.

– Жара в Риме, наводнение в Венеции, тебя заперли на ночь в музее, а в Помпеях на твоих глазах застрелился итальянец, – подвел итог Юра. – Что ж, Италия еще легко отделалась. Зная тебя, скажу, что жертв и разрушений могло быть и больше.

Я решила не обращать внимания на его иронию. В конце концов, привлекательному мужчине, который накормил тебя ужином, а потом еще и усадит в теплую машину и отвезет домой в этот ненастный ноябрьский вечер, можно простить все.

– Но вы тут тоже не скучали, – хмыкнула я. – Что, ты говоришь, случилось с этим товарищем из департамента вызовов и угроз?

– Его нашли мертвым в загородном доме.

– Он действительно застрелил свою любовницу, а потом пальнул в себя, как мой итальянец?

– Твой? – удивился Юра. – А своего француза у тебя случайно нет? Желательно, повара. Можно было бы сэкономить кучу денег.

– Я серьезно. Двое мужчин за тысячи километров друг от друга почти синхронно совершают убийство и самоубийство. Тебе это не кажется странным? – замогильным голосом спросила я.

– Мне кажется странным, что мы портим себе вечер и аппетит этой темой. Я вообще-то соскучился, клубничка...

– Я вообще-то тоже. Взяли бы еды в «Макдоналдсе» и уже были бы дома, – вздохнула я.

– Или в гастроэнтерологическом отделении, – усмехнулся Юра и подозвал официанта.

– Желаете десерт? – профессионально осведомился он.

– Счет, пожалуйста.

– На десерт у него клубничка, – проинформировала я работника сервиса.

Квартира Юры – апартаменты в элитной новостройке. Все модное, дорогое, изысканное. Все на своих местах. Мне приходится прилагать усилия, чтобы придать этим квадратным метрам более жилой вид. Посреди отполированного паркета запросто может валяться мое веселенькое желтенькое белье, на огромном холодильнике гнездятся разноцветные бабочки-магнитики, а на зеркале в ванной я иногда рисую губной помадой симпатичное сердечко. Юра, глядя на это, вздыхает, но терпит.

Не возражал он даже тогда, когда я подобрала на улице возле бака с мусором пищущий пушистый комочек и принесла его к нему домой. Комочек оказался кошкой. И не какой-нибудь, а породистой, сиамской, настоящей красоткой: палевого цвета с темными лапками и ушками и голубыми глазами. Говорят, что это довольно-таки злая порода. Но наше животное, может быть, из чувства благодарности за приют, постоянно терлось об наши ноги, за что получило прозвище Терка.

Терка встретила нас в коридоре и явно обрадовалась моему визиту. Но сейчас нам было не до нее. Оказавшись наконец наедине, мы сосредоточилась друг на друге...

– Тебе хорошо со мной? – спросила я Юру, когда мы уже почти засыпали с Теркой под боком.

– М-м-м, – удовлетворенно пробормотал он.

– Лучше, чем без меня?

– Я люблю тебя, – без раздумий ответил мой сосед по кровати.

«Тогда давай наконец поженимся!» – решительно заявила я, но, как всегда, про себя...

Почему я – и про себя, а не он – и вслух? Потому что перспективному дипломату нужна жена: а) приличная, б) из хорошей семьи, в) тоже закончившая МГИМО, г) не роняющая фотоаппараты в фонтаны. Если разослать фоторобот этой идеальной персоны всем постам, долго искать ее не будут. Александру Петровскую сразу задержат и приведут в ЗАГС, где ее будет ждать Юра и пятьсот человек гостей. Я же пригласила бы только родителей и Ритку. Это моя лучшая подруга.

Ритка была журналисткой, наверное, с самого рождения. Она не просто ревела в роддоме, а вызывала главного врача на интервью. В школе, где мы с ней вместе учились, мне ставили пятерки только из уважения к маме, она же была круглой отличницей. Если бы можно было стать квадратной – она бы стала. Пока я гоняла с мальчишками в футбол и обследовала окрестные чердаки, Ритка делала стенгазету. Она любила все обдумать, проанализировать, а потом взять и задать директору вопрос: куда идут деньги, выделенные на школьные завтраки? Не может быть, чтобы эта котлета из туалетной бумаги продавалась по цене мяса с рынка! Или – зачем мы платим за охрану, если в помещение может проникнуть любой, назвавшись родителем Вадика из пятого «Б»?.. Никто не удивился, когда Ритка поступила на журфак. А ныне она трудится во вполне уважаемой газете. Она всегда в курсе всех происшествий, у нее не портится аппетит от разговоров об убийствах и самоубийствах. Скорее, как раз просыпается журналистский азарт. Нужно будет завтра же встретиться с ней и обсудить последние новости.

С утра я, как и большинство людей, отправилась на работу. Но не в офис, где Александра Петровская демонстрирует свою безупречную укладку и личный интерес к моему жениху, а по месту своей основной трудовой деятельности – в школу. Заканчивались каникулы, впрочем, наше учебное заведение никогда не пустует, потому что это школа-интернат. Правда, мой директор и, кстати, друг, которого я бы тоже обязательно пригласила на свадьбу, Николай Сивоброд, категорически против того, чтобы мы считали своих учеников бедными сиротками или трудными подростками из неблагополучных семей. Они обычные дети, и знания должны получить по полной программе, а не с расчетом на то, что их пристроят в какое-нибудь ПТУ по льготному конкурсу.

Как я и ожидала, в учительской только и было разговоров, что о моей поездке.

– Италия – это ладно. Я до сих пор не могу забыть Францию! – закатила глаза биологичка Галка, муж которой работал в крупной нефтяной компании. – Жаль, что ты туда не попала, Вика. Там есть что посмотреть.

– И что же вам там больше всего понравилось, Галина? Шмотки и цены на бензин? – прищурилась Ираида Менделеева. Вроде бы она молодая женщина, но выглядит так, словно преподавала русский язык и литературу еще в советские времена. – Милочка, чтобы приобщиться к сокровищам мировой культуры, необязательно тащиться за тридевять земель. Можно, как я, на скромную зарплату купить книгу в магазине «Букинист». Достоевский, Тургенев, Горький. Вам эти имена ни о чем не говорят?

– По-моему, все трое подолгу жили за границей. Баден-Баден, Монте-Карло, Капри, – заметила я. – Если есть возможность, почему бы не посмотреть мир?

– Потому что у честного человека мало таких возможностей, – поджала губы Ираида, которой ученики не без меткости дали прозвище Таблица Менделеева. – Что это за командировки у вас? Сопровождать непонятно кого. И, опять же, в ущерб подготовке к урокам! Вы ведь наверняка учебный план на следующую четверть так и не написали? Я всегда знала: когда много работ, профессионалом не станешь ни здесь, ни там.

– Зря вы так. Мне не мешает языковая практика, а получить я ее могу, только подрабатывая переводчиком.

– Не завидуй, Ираида, – хмыкнула биологиня. – Ты ведь тоже сочинения за деньги пишешь и репетиторством балуешься. Хочешь жить – умей вертеться.

– Вертихвостки, – вздохнула по нашему поводу литераторша и углубилась в здоровенный том русской критики XIX века, видимо, чтобы найти единомышленников, не одобрявших Баден-Баден.

До конца каникул оставался еще день, так что у меня образовалось свободное время. И, конечно, я не потрачу его на учебный план. Я решила, не откладывая, выполнить поручение Марианны Васильевны – передать ее брату бандероль из Италии. Я достала из сумочки визитку и набрала рабочий телефон гражданина Корского. Где же ему еще находиться в 12.00 в будний день, как не на работе? Хотя в бумажке, которую дала мне супруга вице-консула, были указаны домашний адрес, рабочий и домашний телефоны, а место работы не указывалось. Будем надеяться, что господин Корский – не ночной сторож на кладбище.

Трубку долго не брали.

– Да, – наконец ответил запыхавшийся женский голос.

– Могу я услышать Валентина Васильевича? – вежливо поинтересовалась я.

– Нет! – фыркнули в трубке, словно я отвлекла собеседницу от чрезвычайно важного и приятного дела, типа пересчета наличных.

– Когда же он будет?

– Никогда!

– Но это же его рабочий телефон, – настаивала я, подозревая, что разговариваю с секретаршей, основная задача которой – соединять с шефом, а не цедить слова сквозь зубы.

– Он здесь больше не работает.

– А где он работает?

– Нигде! – рявкнула дамочка и бросила трубку.

Ну вот, поручение казалось таким легким, однако сразу же возникли трудности. Неужели брат Марианны Васильевны так бесповоротно поменял работу, что никому не сказал о своей новой должности? Или он вышел на пенсию и действительно больше нигде не работает? Придется звонить ему домой. Хотя Марианна Васильевна предпочла бы, чтобы жена брата не была в курсе. Но другого выхода, видимо, нет.

Я набрала другой номер. Опять не повезло – ответил не хозяин дома. Снова женский голос, немного старше секретарского, но тоже с нотками истерики.

– Пожалуйста, позовите к телефону Валентина Васильевича, – как можно более деловым тоном начала я.

Не помогло: эти имя и отчество, похоже, как-то странно действуют на дамочек на другом конце провода.

– Кто это? Что вам надо? – заголосила трубка. – Вы что, издеваетесь? Вы одна из этих? Как вам не стыдно! Вас тоже это ждет: вас тоже бросят, предадут, опозорят. Будьте вы прокляты!

Я опешила. Господи, чем я заслужила такое нападение? Наверное, эта та самая неприятная госпожа Корская. Ничего удивительного, что Марианна Васильевна просила через нее ничего не передавать. Если она так беспричинно и резко вопит на посторонних людей, представляю, как она тиранит своих домашних.

Но делать нечего. Я пообещала, что встречу с Валентином Васильевичем, значит, нужно встретиться. Хотя этот визит вряд ли окажется приятным. Нужно подождать часов до семи вечера, чтобы он пришел с работы, если все-таки работает и все-таки – не на кладбище. И отправиться к нему домой. Другой связи с ним все равно нет. Авось не спустят с лестницы.

Жили Корские в солидном доме в центре. В добротной высотке сталинской постройки. В таких обычно прежде обитали ответственные партийные работники, а сейчас селятся безответственные новые богачи. Я подошла к тяжелой двери с домофоном, но один из жильцов как раз шел гулять с собакой, поэтому я без проблем проникла в подъезд.

После моих настойчивых звонков дверь квартиры, обитая деревом, распахнулась. На пороге стояла женщина лет пятидесяти: умелый макияж, короткая стрижка, словно она только что из парикмахерской, длинная черная, обманчиво простая блузка, свободные брюки, скрадывающие недостатки располневшей фигуры.

– Что вам угодно? – спросила она тоном английской королевы.

– Я к Валентину Васильевичу, – сказала я. И поспешно добавила: – Я не из «этих». Я от Марианны Васильевны.

Чтобы не пришлось считать ступеньки, я раскрыла свои карты. В конце концов, нет ничего предосудительного в том, что сестра передала кое-что для брата. Видимо, хозяйка решила также. Выражение подозрительности исчезло с ее лица.

– А... – протянула она как-то беспомощно. – Вы опоздали. Валентина Васильевича вчера похоронили.

Вот так новости! Такого поворота я совершенно не ожидала. Женщина в дверях постояла, пропуская меня в квартиру. Но дальше помпезной прихожей мы не пошли.

– Как похоронили?! – не смогла я скрыть своего изумления.

– Как всех хоронят. В гробу и на кладбище, – раздраженно ответила дама в черном.

«Так вот почему она в черном. Это траур!» – пронеслось у меня в голове. Но почему же Марианне Васильевне никто не сообщил о несчастье? Судя по срокам, она должна была вернуться в Москву вместе со мной, чтобы успеть проститься с братом. Или жена и сестра покойного настолько не ладят друг с другом, что предпочли не встречаться даже на его похоронах?

Одно очевидно, бандероль из Италии передавать некому. Зря я сюда притащилась, только время потратила.

– Примите мои соболезнования, – забормотала я то, что принято говорить в подобных случаях. – Надо же, а вроде не старый был человек! Да, от болезни никто не застрахован...

– Он не болел, – прервала меня хозяйка резким тоном. – Бес, конечно, переломал ему немало ребер. Но это фигурально выражаясь.

Она криво усмехнулась.

– Бес? – я понимала все меньше и меньше.

– Ну как же, это общеизвестно. Седина в бороду – бес в ребро. Все они еще те кобели! Так и передайте своей Марианне Васильевне. Она все думала, что ее брат – идеальный, этакая жертва. Мол, под каблуком у сварливой жены. Но на самом деле, жертва – я. Он мне всем обязан, всем! Должностью, карьерой, состоянием. Мой брат работал в ЦК, он всячески проталкивал Вальку, и сестрица его через нас приличного мужа себе нашла. А братец ее с неба звезд никогда не хватал, ни в чем не отличился. Больше был сосредоточен на своей персоне. На своем здоровье, пиджаке, одеколоне. Павлин!

– Ну что вы, теперь все это неважно. Его больше нет. О мертвых или хорошо, или... – прервала я ее гневную тираду.

– Так для этого надо умереть с достоинством! А не так паскудно. – Лицо моей собеседницы пошло красными пятнами.

Ей явно было неприятно все это говорить, но и промолчать она, видимо, тоже не могла. Ее буквально трясло. Но не от горя, а от обиды.

– А как умер Валентин Васильевич? – рискнула спросить я.

– Его нашли мертвым на даче. Огнестрельное ранение в голову, – со странной усмешкой сообщила вдова.

– Господи, это было убийство?! Наверное, грабители забрались...

– Не знаю и знать не хочу.

– Но почему? Это же ваш муж!

– К сожалению! – процедила дама убийственным тоном. – На даче обнаружили не один труп, а два. С ним вместе погибла его секретарша. Девица лет двадцати пяти. В полуголом виде. В кровати. В нашей с ним кровати. Стервец! всю жизнь меня обманывал. Так еще и смертью своей опозорил. Теперь все об этом судачат. Ненавижу!

Женщина закрыла лицо руками.

Не может быть! Еще два трупа с огнестрельными ранениями. Да что ж такое происходит? Эпидемия, что ли, началась? Мужчины не первой молодости и их молоденькие жены и любовницы мрут как мухи. Или...

– Простите, а ваш супруг случайно не в МИДе работал? – осторожно поинтересовалась я.

– А где же еще! Он – заместитель директора департамента по вопросам вызовов и угроз. Вот и учудил на старости лет. Устроил вызов общественному мнению, поставил под угрозу свое и мое честное имя. Мне больше нечего вам сказать, – хозяйка справилась с собой и решила как можно скорее избавиться от незваной гостьи. – А Марианне Васильевне передайте, что мы с ней больше не родственницы...

Да уж, похоже, именно мне придется сообщить супруге вице-консула о том, что, когда она передавала мне письмо для своего брата, тот был уже мертв.

4

Я возвращалась от Корской в растрепанных чувствах. Ехала в метро и размышляла. В последнее время что-то уж слишком много происшествий с применением огнестрельного оружия. Та парочка из Италии: молодая жена найдена мертвой дома, а пожилой супруг застрелился в Помпеях. Теперь этот пожилой любовник убит вместе со своей юной подругой, и ходят слухи, что это тоже убийство и самоубийство. Неужели многие мужчины, кому за пятьдесят, западают на тех, кто им в дочки годится? И неужели это так опасно для жизни? Два похожих случая – почти одновременно!

Может быть, существует тайная международная организация под девизом: «Накажем похотливых стариков»? Ведь у того венецианца до второй, молодой, наверное, была обыкновенная первая жена. Познакомились студентами, она растила их общих детей, обеспечивала уют в доме, помогала ему подниматься по карьерной лестнице. А потом он всего добился и нашел себе помоложе. А она осталась одна: дети выросли, муж ушел, красота увяла. Ничего удивительного, что в такой ситуации руки сами тянутся к пистолету.

Мне почему-то показалось, что и супруга Валентина Васильевича со своими: «Ненавижу!» и «Будьте прокляты!» вполне способна была порешить неверного мужа и молодую развратницу. Хотя вряд ли она бы убила их вместе – так демонстративно. Мало того, что она теперь стала героиней сплетен, так еще и милиция будет задавать ей неприятные вопросы. Так что, наверное, это все-таки не она...

Да, не было печали! Зачем мне эти чужие трагедии? Кто подумал, что я везу бандероль для покойника? И что теперь делать? Я не успела заговорить о посылке до того, как вдова выставила меня за дверь. Да и кому ее теперь вручать? Женщине, которая торжественно объявила, что не хочет считать себя родственницей Марианны Васильевны?

Нужно звонить в Рим, сообщать скорбную новость. Но перед этим мне не помешал бы дельный совет и просто заряд позитива.

– Дед Мороз! Мама, я знаю, что пришел Дед Мороз! Ну и что, что до Нового года еще больше месяца. Нужна же ему гениальная репетиция! – верещал девчоночий голос.

– Не гениальная, а генеральная! – важно поправил мальчишечий фальцет. – Ничего ты не понимаешь, это пришел упырь, и сейчас он будет пить кровь. Чужой у нас в холодильнике нету, так что он напьется нашей...

Я стояла на лестничной площадке перед закрытой дверью, за которой семилетние близнецы – дочь моей подруги Риты, тоже Рита, и сын Глеб, – спорили, кто пришел к ним в гости. Добрый волшебник или злой кровосос? Иные варианты не рассматривались.

– Ура, Победа! – обрадовалась их мать, справившись наконец с замком.

– Здравствуйте, тетя Победа! – подхватили дети.

Мы с Марго списывали друг у друга в школе, отбивались от приставучих ухажеров после ее окончания, обмывали и ее, и мою первую зарплату. Я узнала, что Ритка беременна, самой первой, даже раньше отца близняшек. Впрочем, он этого предпочел вообще не знать. А будущая мать совсем и не расстроилась. «Одной лучше, чем с кем попало», – рассудила она.

Что за глупое выражение – «мать-одиночка»? Это безответственным отцам некому стакан воды подать с похмелья. А матери одни не бывают, они же с детьми. Вот Ритка – всегда в обществе двух горластых непосед, которые предпочитают подвижные игры, постоянно спорят и иногда не признают даже материнского авторитета.

Тогда-то я и вмешиваюсь. Ведь меня зовут Победой, могу и паспорт показать. Так что я решаю, кто прав, кто виноват. Как ни странно, это действует. И я стала судьей в этих боях без правил между братом и сестрой.

– Не знаю насчет упыря, но подарки а-ля Дед Мороз у меня имеются, – провозгласила я, выживая из пакета презенты – непосредственно из Италии.

Для Риты-маленькой я прикупила в Риме куклу Пиноккио (или привет тетушке), для Глеба – машинку «Феррари», для Риты-большой – симпатичный свитер из магазина на площади Испании. Надо сказать, что моя подруга не относится к отряду шопоголиков. Она не любит ходить по магазинам, даже по супермаркету носится ракетой: хватает продукты и бежит к кассе, а не выбирает по полчаса и не обдумывает, не забыла ли что-то. «Пустая трата времени», – считает она. Вытащить ее в магазин за одеждой труднее, чем восстановить Ирак после бомбежек. Марго как влезет в одни джинсы и водолазку, так и застрянет в них на месяц. Это при том, что она очень даже симпатичная молодая женщина. И глаза у нее огромные и голубые, как у кошки Терки. Но не хотят эти глаза часами глядеть на ценники, размеры и состав ткани. Так что многие вещи из ее гардероба выбирала я.

– Здорово! – обрадовалась Марго шерстяному свитеру. – Очень симпатичный, и идти никуда не надо... Я имею в виду, в магазин не надо. А в нем я буду ходить везде. Кстати, а почему площадь в Италии называется Испанией?

– Испанское посольство там где-то было, и сейчас есть, – объяснила я.

Вообще-то, мои мысли были заняты российским консульством, куда мне предстояло позвонить с дурными вестями.

– Р-рр! – раскатисто разнеслось по квартире. – Р-рр! Я шумлю, как Шумахер.

Что ж, машинка тоже понравилась.

– Разрешите пригласить вас на танец, синьор! – чинно произнесла маленькая Рита, обращаясь к новой кукле, и пустилась в пляс.

Кажется, я всем угодила. Поиграв с подарками, обменявшись ими, прокатив Пиноккио на «Феррари», а «Феррари» на Пиноккио, дети отправились спать. Пока мама их укладывала, я вскипятила чайник. После девяти мы уселись с подругой на кухне, достали из холодильника все то, из чего можно приготовить бутерброды, и начали трепаться с энтузиазмом флагов на сильном ветру.

– Ну, как Рим? – поинтересовалась Ритка.

Я достала фотокарточки, которые только что забрала из проявки.

– Это я и Колизей, я и фонтан, я и Форум, я и не я, а гвардеец, охраняющий резиденцию Папы. И везде позировали солнце, и пыль веков, и запах ранней осени.

– Класс! – оценила подруга.

– Я бы даже сказала, десять классов и университет.

– Жизнь прекрасна, если правильно подобраны антидепрессанты. Путешествия – один из самых сильных, – с чувством изрекла Рита. – Все-таки мы с тобой – молодцы, Вик! Финансовая независимость – это здорово. Чтобы не клянчить у родителей, не быть в долгу у мужа. А самим заработать. И порадовать себя и своих близких.

– А у тебя как с финансами? Какие песни они исполняют? – спросила я.

– Владелица нашей газеты постоянно пребывает в тесных объятиях жабы, – вздохнула Маргарита. – Зачем повышать зарплату сотрудникам, если можно и не повышать? А вот не прикупить новую норковую шубу – нельзя. Тут еще сыночек ее, хозяйки, не шубу хочет, а за границей учиться. Так что – прощай, премия! Ох уж, мне эти капиталисты! Что хочу, то и ворочу. Хозяйка экономит на всем. Даже собственная газета достается не всем сотрудникам. Раньше у журналистов была подписка с доставкой на дом. Теперь приказано сократить расходы: нам велено отправляться за свежим номером в киоск.

– Интересно, все владельцы заводов, газет, пароходов – такие жадные? Или ваша – исключение? – задумалась я.

– Большинство! – не сомневалась Марго. – Совесть и деньги, все равно, что кошка с собакой, редко спят на одном диване... Наверное, нужно менять работу. Но я не спешу идти

в газету, которая обсуждает задницы звезд и звезды на задницах. Я предпочитаю серьезные темы. Так что остается подработка. Спасибо, еще не все выборы отменили. Недавно я потрудилась одновременно на два конкурирующих штаба. Было весело! Про одних сочиняю поганку, а потом сама же за их деньги пишу опровержение. Мол, кандидат – примерный семьянин, а не маньяк-убийца. Его дочка поет в церковном хоре, а не ширяется в подворотне. Даже его собака – коренная жительница города и не гадит в исторических местах.

– Ритка, а это не опасно? – напряглась я. – Если узнают, побьют и тут, и там.

– Да ладно тебе. Им все равно: ругают или хвалят. Лишь бы их имена были у всех на устах. Больше шумихи – оно и лучше. А то о чем писать-то в агитационных листовках, газетах, на заборах? О том, что кандидат играет в шашки и выпиливает лобзиком? Кстати, у большинства кандидатов действительно биографии далеко не идеальные. Так что это не клевета, а журналистское расследование. Представляешь, директор торгового центра от большого желания стать народным избранником даже подарил церкви особо ценную икону. И что ты думаешь? Этот богомолец подозревается в убийстве своего бывшего партнера, пять лет тому назад пропавшего без вести!

– Одним словом, ты получила не только на хлеб, но и зрелищами насладишься?

– Да, это было интересно. Жаль, выборы проходят не каждый месяц. А тут еще губернаторские отменили. Безобразие! Бог же велел делиться.

– А между тем человек постоянно стоит перед выбором, – философски заметила я. – Нужно внедрять пиар-технологии в обычную жизнь. Например, выбор невесты. Сначала собираем сведения о кандидатках. Знакомим их с основным электоратом – то есть, с родителями. Потом они сходятся на дебатах, куда же без этого. Ну и момент голосования: приходишь и ставишь крест на холостой жизни.

– Какая свежая идея! – изрекла подруга. – Надо ее продвигать в массы. Тогда бы я озолотилась. Правда, горе-отцу моих детей ни один политтехнолог не поможет. Во всяком случае, я его и без брака забраквала.

Папаша близнецов был красивым спортивным парнем с Риткиного студенческого курса. Он не мог связать и двух слов, думал, что Геродот – это термин из военной науки. Зато, когда он молчал и улыбался, становился похож на Элвиса Пресли. Так что преподавательницы ставили ему «зачет» автоматом именно за это, а преподаватели – из уважения к его успехам на универсиаде. Марго использовала его исключительно для удовольствия. Однажды не доглядела – и оказалась в положении. И вот уже семь лет убеждалась, что ее молитвы были услышаны и детишки получили от папы внешность, а от мамы мозги.

– Давай вернемся к твоей основной работе. Ты в курсе кровавой драмы на даче? – я решила перейти от легкой болтовни к вопросам жизни и смерти. К счастью, не моих.

– Ты про двойное убийство в коттедже чиновника из МИДа? – сразу поняла меня Ритка, она ведь отвечала за отдел происшествий в своей газете.

– Расскажи поподробнее, – потребовала я.

Марго порылась в стопке газет, лежавших рядом с хлебницей. Протянула мне одну из них. Там был напечатан некролог с фотографией довольно солидного лысоватого мужчины. Он выглядел как типичный важный чинуша. Но некоторое сходство с Марианной Васильевной просматривалось: в разрезе глаз, в изгибе губ.

– Вик, это довольно темная история. Валентин Корский был заместителем руководителя важного департамента в министерстве. Официальная версия его гибели – злодейство неустановленных бандитов. Мол, вломились в коттедж, убили хозяина и его гостью в неглиже. То ли хотели ограбить, то ли сводили счеты. Однако знающие люди недоумевают. Грязновато исполнено для заказного убийства. А насчет ограбления – на дворе почти зима. Какие у людей на даче ценности?

– Непреходящие – телевизор и унитаз.

– Вот-вот. И из-за этого – два труп? И потом, это охраняемый поселок для «шишек». Там шлагбаум, сигнализация, милиция дежурит. Не под каждым, конечно, кустом сидит, но все же эффект присутствия имеется. Не полезли бы туда грабители, киллер бы у подъезда его подкараулил – одного, без визжащей полуголой особы. Странно все это.

– Люблю я странные истории и всяческие загадки! – призналась я.

– Я бы тоже любила, если бы за их разгадывание платили деньги, – отозвалась Ритка, которой предстояло покупать к зиме две пары детских ботинок по цене почти «взрослой» обуви.

– Слушай, следующие выборы еще не скоро. Да и наследство нам с тобой никакой миллионер не оставит. Что же, на голом окладе сидеть? Это же фантик без конфеты! Может, нам временно в частных детективов переqualificироваться? – сегодня я была просто кладзем идей. – Как ты думаешь, госпожа Корская дорого заплатит за информацию, что ее муж ей не изменял, а девицу ему подбросили, как наркотики в гангстерских фильмах?

– То есть мы будем такими детективами, которые заранее знают результат расследования, исходя из интересов клиента?

– Не исключено. Хотя, боюсь, в этом деле я еще и свидетель.

И я рассказала подруге о выстрелах в Помпеях.

– Не вижу связи, – отмахнулась Марго.

– Ну как же! Способ, жертвы – все совпадает.

– Если посмотреть сводку автопроисшествий, ты наверняка узнаешь, что вчера гражданина такого-то сбила серебристая «десятка», а через день под машину такой же марки и такого же цвета угодил еще какой-нибудь мужчина. По-твоему, это заговор? А по-моему, ездить надо по правилам и переходить дорогу на светофор. Что касается убийства и самоубийства товарища из МИДа, то пока эта версия – лишь слухи.

Впрочем, вскоре мне представился случай их проверить.

– Итак, отрицательные слова, – провозгласила я тему урока, – при этом лично у меня они вызывают положительные эмоции, так как облегчают задачу построения фразы, не требуя «не» перед глаголом. Приведите примеры таких слов.

– Nothing – ничего.

– Nobody – никто.

– Never – никогда.

После каникул мои ученики были весьма активны, но не все, конечно. Маша Калинина смотрела в окно и явно считала ворон.

– В точку! – оценила я. – Предложение: «Он ничего не делает». He does nothing. По-русски буквально: он делает ничто. По-моему, именно этим сейчас занята наша Маша.

– А я что, я ничего, – встрепенулась она.

– Вот именно! Обратите внимание на слово «nobody», – продолжила я. – Мы говорим: «в комнате никого», или – «в комнате ни души». Англичане же скажут «nobody» – «ни одного тела». Видимо, зная это, Толик Баранов изучает сейчас под партой журнал «Плейбой», где недостатка в телах нет и никогда не будет.

– А я что, я ничего, – развязно отозвался Толик с задней парты.

– По-моему, ты бездарно тратишь время, – пожала плечами я. – Потому что у тебя, Толик, будет еще масса возможностей изучить то, что ты сейчас разглядываешь. И не только на фото и видео, но и в натуральном, так сказать, виде. А вот для курсов английского тебе придется потом с трудом выкраивать время и деньги. Впрочем, если ты не собираешься посмотреть мир, найти престижную работу и добиться успеха, то продолжай в том же духе, и тогда будешь лицезреть красоток с их body лишь на картинках. Для этого напрягаться не надо...

Похоже, подростка все-таки зацепила моя проповедь. Он-то ожидал, что я выхвачу у него их рук журнал и заведу воспитательную песню на тему безнравственности. Я надеялась, что мальчишка только играет в крутого. А на самом деле хоть одним ухом, но слушает мои объяснения.

Учебный день прошел как обычно. Пятерки, четверки, одно замечание в дневник – тому самому Баранову, чтобы осознал. Тройки и двойки лично я стараюсь не ставить. Я уходила с работы уже в сумерках. Кто-то остановил меня во дворе, тяжело положив руку на плечо. Я испуганно обернулась. Возле меня стоял незнакомый парень сурового вида.

– Виктория Викторовна Победкина? – грозно спросил он.

– Да, – призналась я, ожидая чего угодно, вплоть до ареста.

– Я брат Толика Баранова, – успокоил меня незнакомец. – Можно с вами поговорить?

– Да, пожалуйста, – с облечением кивнула я.

Мы остановились во дворе интерната.

– Я и сам когда-то здесь учился, – сообщил брат. – Хотел забрать Толика к себе, да сам пока на ноги не встал, зарабатываю маловато. Я так понял, у вас много претензий к мальчишке?

– Не без этого. Толик в последнее время дерзит, отвлекается от темы, сегодня на уроке рассматривал фотографии, как бы это помягче выразиться, не одетых женщин. Думаю, это не есть хорошо.

Я ждала его реакции с некоторой опаской. Чаще всего родственники уверены, что их дети – нежные цветочки, которых плохие учителя пытаются обозвать сорняками. Но Баранов-старший не стал выгораживать младшего.

– Да-а, – протянул он сочувственно, – я думал, у меня работа сложная, но у вас тоже не сахар.

– Кем вы работаете?

– Санитаром в морге.

– Господи!

Вот почему у гражданина такой серьезный вид. Представители этой профессии обычно нелюдимы, неразговорчивы, не улыбки, и даже глазами делают морг-морг.

– Но мои покойнички хотя бы не хамят, – усмехнулся брат. – Хотя, знаете, что странно, другие учителя на Толика не жалуются.

– Значит, только я не смогла найти к нему подход, – вздохнула я.

– Раньше я тоже так думал. Но, глядя на вас, понял, что все наоборот – вы ему нравитесь, поэтому он и ведет себя неадекватно.

Это комплимент или обвинение?

– То есть, он бы меня за косичку дернул, если бы у меня таковая имелась? Надо же, – изумилась я, – мне это и в голову не приходило.

– А вот я на работе и не такого посмотрелся, – произнес мой собеседник тоном ветерана труда. – Женщины из мужчин не только дураков запросто делают, но и последнего ума лишают. Пять пулевых ранений – это вам не за косичку дернуть! Но и этого мало, последний выстрел – в собственную башку.

Черт, почему этот сценарий кажется мне таким знакомым?

– Мужчина застрелил любовницу и покончил жизнь самоубийством? – уточнила я.

Просто не смогла удержаться. Раз уж произошло такое совпадение, было бы глупо этим не воспользоваться.

– Не застрелил, а расстрелял. Видимо, сильно она его достала. Наверное, ходила то направо, то налево. Он-то уже не мальчик был.

– Да, я слышала об этой трагедии. Фамилия погибшего, кажется, Корский. Но разве их обоих не неизвестные грабители убили?

– Сам он ее порешил, а потом себя, – уверенно заявил санитар. – И отпечатки его на пистолете, и следы пороха у него на руках. Я лично слышал, как патологоанатом с ментами разговаривал.

Значит, все-таки случились эти похожие преступления почти одновременно и в разных странах. Интересно, что может связывать итальянца Монти и россиянина Корского? И неужели никто, кроме меня, не замечает, что такое совпадение – неспроста?

5

Я не умею делать карьеру. Не представляю себя этаким стервой, которая холодно произносит: «Ничего личного, это просто бизнес...» Меня как раз интересует личное. Мне вот лично захотелось знать точно, о чем поют «Биттлз» и Стинг, и я занялась иностранными языками. К счастью, это интересует не только меня, так что есть шанс неплохо заработать. Если, конечно, госпожа Петровская доверит мне еще хоть одну командировку.

Сейчас же меня лично интересовали двое убийц-самоубийц. Но, кажется, эти двое волнуют только меня. А еще мне любопытно, чем, в конце концов, занят хваленый Интерпол? Борется с незадачливыми наркокурьерами – наивными девицами, которым в иностранных аэропортах знойные мачо подкидывают в багаж героин?

Между тем давно пора создавать международную следственную группу. Необходимо найти связь между помпейским и московским преступлениями. И так уже упущено столько времени! Я подозреваю, что эти дела вообще никто всерьез не расследует. Еще бы, убийца застрелился, сажать некого, нечего и протоколы допроса тратить на свидетелей. Дело закрыто за смертью основного подозреваемого.

Все так. Если рассматривать эти истории по отдельности. Но все же их что-то объединяет. И, по-моему, необходимо выяснить – что именно. Кое-какую связь, впрочем, не заметит только слепой. Причем у этой связи есть связи.

Марианна Васильевна оказалась свидетельницей кровопролития в жарких Помпеях. Ее родной брат устроил такое же «шоу» со смертельным исходом в холодной Москве. А супруг Марианны Васильевны может заставить работать и итальянского комиссара, и российского следователя по особо важным делам.

Нечего больше откладывать, нужно звонить сестре покойного. Правда, у меня нет номера ее телефона. Но, наверное, можно связаться с ней через консульство.

Конечно, есть вариант сказать себе: тебя это не касается, детка. И сэкономить на международном звонке. Но я уверена: все, что происходит – не просто так. Я поехала в Помпеи, а не в Пизу, хотя оба города – на «П» и чем-то знамениты. Брат моего ученика устроился работать не грузчиком на рынок, а санитаром в тот самый морг, куда привезли тела Корского и его молодой пассии. Нет, все эти совпадения – не на пустом месте...

Номер итальянского консульства я узнала в Интернете и набрала его с телефона в Юриной квартире. Конечно, меня не захотели соединить не только с Марианной Васильевной, но даже с ее супругом. Уверения, что я ближайшая знакомая супруги вице-консула, никакого эффекта не возымели. Знакомые тем и отличаются от незнакомцев, что знают номера прямого или сотового телефонов. Пришлось представляться сотрудницей МИДа, хоть и внештатной. Надо мной сжалились и переключили на приемную вице-консула.

Надо было срочно менять тактику. Я вообразила, что мне пятьдесят четыре года и мой муж найден мертвым и голым в обществе любовницы. Какой у меня должен быть голос?

– Это Корская! – рявкнула я, только потом сообразив, что даже не знаю, как ее зовут. – Мне нужна Марианна Васильевна!

– Какая Корская? – удивилась секретарша.

– Может быть, вы еще не знаете – какая Марианна Васильевна? – возмутилась я. – Вы же секретарь, а не одна из этих, что соглашаются на любую работу за границей, лишь бы подцепить себе мужика! Марианна Васильевна – это супруга вашего начальника, милочка. А я – родная сестра ее брата. Конечно, у меня есть ее сотовый. Вернее, был, потому что трубку украли вместе с телефонной книгой, которая была внутри. Безобразие! Москву наводнили карманники. Это настоящая беда. Соедините меня с ней, срочно! С Марианной Васильевной, конечно, не с бедой.

Похоже, моя тирада подействовала. В трубке послышалась характерная музыка, длинные гудки и затем – голос супруги вице-консула.

– Марианна Васильевна! Это Вика, – затараторила я, здорово волнуясь. – Я не смогла выполнить ваше поручение, хотя очень старалась. Но покойники не получают бандероли и в квитанциях не расписываются. Хотя у меня и не было никакой квитанции...

Черт, что я несу! Надо срочно сменить тон. Я сделала глубокий вдох и начала сначала:

– Уважаемая Марианна Васильевна, с глубоким прискорбием вынуждена сообщить вам о безвременной кончине вашего брата Валентина Васильевича Корского. Примите мои самые искренние соболезнования...

Трубка подозрительно молчала.

– Ало, Марианна Васильевна!

– Да, Виктория, – вздохнула она. – Я уже все знаю. Бедный Валя! На похороны меня не позвали, но сообщили об этом кошмаре. И то – не мне, а моему мужу. Из официальных, так сказать, источников. Все равно – я уже не успевала на погребение. Так что посылка не имела смысла. Я опоздала. И ничего уже не поправишь. Ужасное ощущение!

Последовало тягостное молчание. Я собиралась было намекнуть: мы обе знаем, что не только ее брат закончил свои дни таким печальным образом... Но Марианна Васильевна меня опередила.

– Я рада, что вам это не безразлично, Виктория. И раз уже вы позвонили, позвольте дать вам еще одно поручение. Вы ведь работаете в МИДе? Значит, сможете зайти в рабочий кабинет Валентина и взять кое-то для меня. Фотографию с его рабочего стола. Там я, он и наши родители. Старый снимок. Он был только у него. Я все собиралась переснять, но не успела... Эта гримза, его жена, мне никогда ничего не отдаст. Она меня терпеть не может! Впрочем, как и весь свет. Она не давала Вале даже общаться с собственной дочерью. От первого брака. Лена Корская... Чудесная девочка. А она запретила ей помогать. Лена работает медсестрой в Склифе, а могла бы делать уколы в элитной клинике. Ну да что об этом говорить... Виктория, я хочу вернуть ту нашу семенную фотографию. На память. Я попрошу одну знакомую, которая тоже там работает, открыть для вас кабинет Вали. Возьмите снимок и перешлите мне. Буду очень вам благодарна.

– А разве та самая знакомая не может сделать это для вас?

– Я бы хотела, чтобы это сделали именно вы. И через вашего Юрия дипломатической почтой прислали. Это ведь несложно?

– Хорошо, – не стала возражать я. – Марианна Васильевна, а вы слышали, как именно погиб ваш брат? Подозревают, что он убил свою любовницу, а потом застрелился сам. Прямо как тот, в Помпеях!

– Глупости! Его убила гримза-супруга и ее братец. У нее очень неприятный брат. Я не могу этого доказать, но я знаю: они – убийцы!

Что ж, я так и не нашла единомышленника, зато получила новое задание. Впрочем, прогуляться по коридорам МИДа, действительно, не слишком трудно.

На следующий день у меня по расписанию было только два урока в первую смену. Так что после работы я поехала в центр. Знакомая Марианны Васильевны, которая должна была стать моим проводником на извилистых дипломатических тропах, встретила меня у вертушки, где я предъявила свой временный пропуск. Увидев эту женщину, я перестала удивляться, почему операцию по добыче фотографии доверили мне, а не ей.

– Ты, что ли, Виктория? – спросила меня пожилая тетенька, одетая в униформу уборщицы. – Ну, шагай за мной, клубника. Можешь называть меня тетя Рая...

Да, она вовсе не походила на холеных знатоков нескольких языков из МИДа. И, думаю, у нее нет доступа не только к дипломатической, но и к электронной почте. Зато она оказалась

женщиной доброжелательной и разговорчивой. И пока мы поднимались на верхний этаж, она успела мне сообщить, что сотрудники департамента угрозы изводят столько бумаги, что хватило бы застелить всю Москву в два слоя. И что они только на них пишут? Наши угрозы в ответ на угрозы врага? А раньше тетя Рая работала в «департаменте роз» – продавцом цветов в подземном переходе. Но потом слишком старой стала, чтобы стоять на сквозняке, вот Марианна Васильевна – спасибо ей, она у тети Раи часто покупала букеты, хотя такой женщине должны были их дарить, да что нынешние мужики понимают, – и устроила ее уборщицей в МИД. Здесь тепло, правда, площади большие, а цветов почти нет, даже в горшках.

Тетя Рая привела меня в какое-то подсобное помещение и велела надеть такую же униформу, как у нее. Чтобы секретарша в приемной Корского не подняла шума, объяснила она. Пусть все решат, что я тоже уборщица. Тогда не возникнет вопросов, что я здесь делаю.

– Но секретарша Корского вроде бы погибла вместе с ним, – напомнила я.

– Свято место пусто не бывает, – фыркнула тетя Рая. – Уже новую кралю нашли, хотя начальника у ней пока нету. Правда, сейчас она должна быть на обеде. Но мало ли что...

До нужного кабинета мы добрались без приключений. Приемная действительно оказалась пуста. Тетя Рая открыла дверь с помощью пластиковой карточки – магнитного ключа. И оставила меня одну.

Я почему-то почувствовала себя спецагентом, сумевшим пробраться в штаб врага. Вместо того, чтобы просто взять со стола нужную фотографию в рамке, я решила внимательно все осмотреть: ведь предметы выдают характер своего хозяина. У одного в ящике хранится фляжка с коньяком, у другого – плетка и наручники для совещаний с секретаршей. Если бы стены могли говорить...

Я прошла мимо интим-уголка – с кожаным диваном и журнальным столиком. Подошла к массивному рабочему столу, где лежали какие-то папки, бумаги. То есть кабинет покидали, явно собираясь в него вернуться. На видном месте массивный органайзер, я его пролистала – там были только деловые записи. «Убью любовницу и застрелюсь сам», – это в планах Корского на день его смерти не значилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.